

Быть втянутым в сон об океане — значило ли это очутиться на том самом пляжу, у берега, среди кораллов и морских анемонов, где всюду лежали раковины?

«Верховный инквизитор вошёл в тот сон?! ...%□#, ты что наделал?!»

Когда Кристabelle спросила Линя «нужно ли мне убить его?», он не испытал особого страха. Но слова Моисея заставили его по-настоящему ужаснуться.

Если бы не два года ритуалистской подготовки, укрепившей его разум, Линь мог бы сорваться прямо во время молитвы. Он насильно сохранил самообладание, выдержал ритм и закончил свою часть песнопения — лишь тогда он смог краем глаза быстро взглянуть в угол на Фельдграу.

Верховный инквизитор всё так же стоял там, скрестив руки на груди, с прямой осанкой. Он смотрел в сторону ритуального круга, в его глазах отражался свет алхимических ламп под потолком.

Выглядел он так, словно вовсе не потерял сознания. А ведь тогда Кандис едва держалась на ногах и облакачивалась на стену.

«Но разве верховный инквизитор не может стоять и одновременно спать? — Линь подумал, что ещё до переноса в этот мир он читал любопытный факт: голуби могут спать, стоя на одной ноге. — Нет... О чём я вообще сейчас думаю?!»

Линь резко оборвал отвлечённые мысли и вспомнил, что случилось с ним, когда он в прошлый раз оказался на том побережье.

Вход и выход занимали лишь миг во внешнем мире, но течение времени во сне было нестабильным, и то, что верховный инквизитор мог пережить там, вызывало у Линя тревогу.

Он краем глаза следил за Фельдграу, а вслух плавно подхватывал молитву вслед за Яркитогой:

— Ты не можешь отрицать — как воздух, как земля, оно существует...

— Зачем тебе волноваться о нём? — сказал Моисей одновременно с его словами.

— «Дело не в заботе или безразличии, — тут же ответил Линь мысленно. — Это же верховный инквизитор!»

И тут же он уловил странность в его тоне.

— «Ты, — произнёс темноволосый ритуалист. — Ты ведь сделал это нарочно, да?»

— Нельзя сказать, что нарочно, — безразлично ответил Моисей. — Я впервые вижу подобный ритуал. По сравнению с прежними, нынешние ритуалы куда изощрённее. Я подавил твой осколок, но, как сказал старина адгезия, связь нельзя отрицать. Раковина, оставленная моей богиней, чувствует, что фрагмент рядом, и её сила увеличилась. Чтобы исказить действие ритуала, мне пришлось отклонить мощь раковины. Так или иначе, либо та женщина напротив, либо этот молодой апостол чокнутого вояки — кто-то один должен был попасться. Между ними я выбрал сильного апостола. А ты бы предпочёл раскрыть себя?

— ... — Линь не нашёлся с ответом.

Менее чем за десять минут он уже услышал от Моисея три прозвища для Шести Божественных Столпов: «тот дракоша», «чокнутый вояка», а теперь ещё и «старина адгезия».

«Лучше поскорее их забыть. Иначе когда-нибудь неудачно сболтну и окажусь в допросной комнате у внутреннего надзора — не стоит того».

Юный инквизитор немного успокоился, но всё равно оставался в смятении.

— Мистер Моисей, — начал Линь, — похоже, ты враждебно относишься к Инквизиции... по крайней мере, к Близнецам Диссонанса. Неужели к смерти Мелодии Раковины он тоже приложил руку?

В гибели богини снов, возможно, участвовал Близнецы — лишь так Линь мог объяснить эту едва заметную, но ощутимую злобу в голосе Моисея.

Когда он задал данный вопрос, ладонь, закрывавшая его левый глаз, вдруг сильнее прижалась.

Линь не изменил выражения лица и спокойно продолжил пение.

— Ты правда ничего не знаешь, — голос Моисея стал более глухим. — Это не мы враждуем с Божественными Столпами. Это Божественные Столпы враждуют с нами.

«Божественный Столпы... Они уже являлись Шестью Божественными Столпами более девятисот лет назад?»

Это не совпадало с тем, что знал Линь. Насколько он был осведомлён, и в обычных школах, и в специализированных вроде школы инквизиторов история преподавалась только начиная с первого года нового календаря. До первого понедельника первой недели нового календаря не существовало ни мира, ни человечества.

Да, так утверждали Шесть Божественных Столпов: зарождение жизни началось с понедельника — с Матери Первозданной Крови.

Но за пределами официальной истории ходило множество иных рассказов: статьи археологов, которые запрещали публиковать, находки на раскопках при расширении городов... Даже если у Линя не хватало времени глубоко изучать всё это, он всё же слышал определённые слухи, которые не стоило озвучивать вслух.

Даже то, что говорил Листчес позавчера — о множестве иных, уже мёртвых богов, помимо Шести Столпов и известных тёмных, — считалось далеко не самым еретическим среди подобных теорий.

Сам факт существования Мелодии Раковины (пусть и в виде останков) доказывал это. А теперь Линь подозревал, что до нового календаря этот мир был полем битвы многих богов. Несколько сильнейших заключили союз и изгнали остальных, объявив их тёмными...

Да, не все они являлись прямо «тёмными». Хотя та же Дева Серебряной Луны вела себя более чем мерзко: её культисты сплошь занимались жертвоприношениями крови и плоти — зачастую невольными. За полгода службы инквизитором Линь насмотрелся этого сполна.

Так или иначе, именно данный союз богов установил нынешний «мир» в сотнях подземных городов, подчинил себе человечество, изменил календарь, стёр прошлое и назвал себя «Божественными Столпами», чтобы отличать себя от остальных.

Линь думал об этом. До переноса он читал для расширения кругозора «Греческие мифы», «Илиаду», «Возвышение в ранг духов» и прочие. Смена пантеонов, бойни богов, свержение одних и возвышение других — ничего нового. Даже если Шесть Богов окажутся куда более жестокими и тёмными, он это примет.

Но Моисей, судя по всему, имел в виду совсем иное.

— Шесть Столпов — они и есть Шесть Столпов, — сказал Моисей с лёгким раздражением. — Столпы действительно отличаются от прочих, но моя повелительница... Она вовсе не хотела...

Его речь прервала Яркитога.

Невидимые волны уже скользнули по всему центральному отделению Инквизиции, и, как Моисей и обещал, они не выявили Линя: осколок в его левом глазу тоже никак себя не выдал.

Поняв, что с её учеником ничего не произошло, Яркитога сперва облегчённо вздохнула. Но затем вспомнила: это её первый приказ как нового директора ритуального подразделения. И если она вернётся ни с чем, это будет неудачей.

Однако продолжать проверку внутри здания было бессмысленно. Стоило решать: прервать ритуал или расширить радиус поиска за пределы отделения. Для этого следовало спросить совета у Фельдграу.

Яркитога подала знак Линю взять на себя управление ритуалом и временно приостановить пение. Так многообразный круг не сгорит впустую от выхода одного из ведущих.

Она аккуратно поместила «Раковину» обратно в круг, а затем сделала несколько шагов назад. Её хвост, до того напряжённый, наконец расслабился.

— Верховный инквизитор, — громко сказала она, описав ситуацию, — как вы считаете, что нам делать?

Фельдграу молчал.

Яркитога решила, что он просто размышляет, и терпеливо ждала.

Но Линь, знавший, что тот угодил в сон, чувствовал, как по спине катится холодный пот.

Он мысленно спросил Моисея:

— «Когда верховный инквизитор вернётся?»

— Вернётся? А зачем? — лениво ответил русал. — Если станет павшим, то в здешней Инквизиции начнётся хаос. Ты сможешь сбежать...

Но он тут же ощутил в сердце Линя мощное, яростное сопротивление.

Над головой Моисея словно загорелся знак вопроса.

— Ты что, и правда помогаешь Инквизиции? Впервые вижу узника, который сам точит топор палачу!

Стоило ему перестать обращаться на «вы», как его тон снова стал колким и резким.

Линя это не задело. Он спокойно объяснил:

— Верховный инквизитор — опора человечества. Не говоря уже о том, что все эти годы он защищал Шпиневиль. А я ведь тоже здесь живу — значит, в долгу перед ним. Как начальник он лучший из возможных. Он не может вот так просто потерять сознание. И потом... я не хочу становиться врагом Инквизиции из-за случайности. Я всё ещё получаю от неё зарплату.

«Что?! Ты служишь инквизитором... и относишься к этому всерьёз?!» — это прямо отразилось на лице Моисея.

Он помолчал, а затем с досадой пробормотал:

— Думаешь, я сам так захотел? Я торчал там девять сотен лет — это было моё желание, что ли? Сегодня случай сложился особенный, иначе бы я и не выбрался... А ты всерьёз воображаешь, что человек может, как ты, свободно бродить туда-сюда по снам божества?

«Да, верно... Моисей уже говорил: он "охранял ночь за ночью сны, что богиня оставила". Значит, тот океан и есть сон, оставшийся после смерти Мелодии Раковины! А Дева Серебряной Луны вторгалась в него, чтобы захватить силу мёртвого бога и стать истинной владычицей снов!»

Фельдграу был очень силён. Но ведь сон — это, по сути, столкновение двух богов, то есть угроза куда страшнее любого культа или монстра!

«Мне стоило подумать об этом раньше! Чёрт, Моисей со своими откровениями о Шести Столпах заболтал меня... Нужно действовать».

Хуже всего будет не если верховный инквизитор потеряет сознание, а если он погибнет в том сне. Линь не хотел видеть грядущие беспорядки. Пусть это и грозило раскрытием, он был готов рискнуть.

Ритуалист собрался и спросил:

— «Ты же сам сказал, что я могу туда войти? Как мне это сделать?»

Моисей промолчал. Но Линь уже догадался.

Он взглянул на глаза Яркитоги. В её янтарных зрачках отразился его крошечный силуэт.

В миг перед ним развернулось бесчисленное множество зеркал, но почти все они выглядели размыто и недостижимо.

Лишь одно было чётким: в нём мелькнуло лицо Кристабель Померан, нахмурившейся над книгой.

А вот то, что вело в сон об океане... Линь сосредоточился, ища звук прибора.

Появилось зеркало странной формы. Когда шум волн приблизился, он прыгнул внутрь — и в

следующее мгновение очутился на берегу.

Да, юный тёмный бог угадал. Но берег и море уже отличались от того, что было в прошлый раз.

Завывал резкий холодный ветер. Море застыло в миг вздыбленной волны. На песке лежал тонкий слой снега.

А сам Линь... стоял ли он? Или парил над льдом? Он не мог понять. Казалось, он был не инквизитором Линем, а теми самыми серебряными глазами в зеркале, которые описывала Кристабель.

Он хотел поразмыслить над ситуацией, но его взгляд привлекло другое.

В ледяной корке застыли тысячи прозрачных щупалец, некогда клубившихся в морской глубине.

А поверх них, в белом костюме и белом пальто, стоял Фельдграу Дуофюр. За его спиной парили десятки разных ружей. В правой руке он держал алый револьвер, в левой — белый автомат. Одной ногой он упирался в сжатое в клубок щупальце.

С холодным, словно сама зима, лицом верховный инквизитор поднял пылающий револьвер. Ствол упёрся в ядро, что светилось сквозь лёд, щупальца которого уже не могли его укрыть.

Бах!

Вспыхнул огонь, грохот расколол воздух. Оранжевая гильза вылетела из револьвера. Замёрзшие щупальца не успели издать и звука — их ядро исчезло, рассеянное пулей, наполненной заклятиями непромаха, очищения, огня, удара по слабому месту и множеством иных чар.

В тот же миг за облаками, где висел мутный диск луны, мрак на секунду вспыхнул серебристым светом — ответ на смерть прозрачного чудовища.

Но Фельдграу действовал быстрее. Едва его правая рука спустила курок, левая отшвырнула белый автомат. На смену ему в воздухе возникла другая винтовка — массивная снайперская пушка, ствол которой был слишком тяжёл, чтобы его мог поднять один человек. По корпусу текли руны, сияющие как расплавленное золото.

Фельдграу, однако, поднял её одной рукой, и та ни капли не дрожала. Снайперский прицел глядел в небеса, где в просветах облаков пряталось серебро луны.

От дульного среза разошлись кольца светящихся рун, будто сияющие нимбы, а сам стрелок

поднял взгляд и бесстрашно встретился глазами с серебряным сиянием.

Сила Девы Серебряной Луны — искушать желания, растлевать сердца — на нём будто вовсе не действовала. Даже задержать движение его пальца на спусковом крючке она не смогла.

Ба-бах!

Выстрел прозвучал как артиллерийский залп.

Снизу вверх взметнулась к небу световая стрела — словно обратная падающая звезда, что решила вернуться в высь и взорваться.

Грохот раздался позже, а когда он дошёл до Линя, луна уже исчезла.

«Дева отступила сама? Или вложенная ею в сон сила рассеялась под ударом выстрела?»

Как бы то ни было, Линь, привыкший считать верховного инквизитора сильным, но не настолько сильным, был потрясён. Его сердце быстро забилось в грудной клетке, и он застыл, не в силах пошевелиться.

В следующую секунду Фельдграу повернулся.

Его глаза, обычно полные спокойного света, теперь горели холодом. Не розовое сияние — а лёд, кристаллизованный в радужке. И этот безжалостный взгляд пронзил Линя насквозь.

Линь не успел даже вздрогнуть.

Алый револьвер уже был поднят, и дуло смотрело прямо на него.

<http://bllate.org/book/12612/1119982>